

Экономист **Дмитрий Митяев** рассказывает о том, что в коронакризис супербогатые становятся богаче, но мировой экономике это не поможет, а Россия при дешевающей нефти не сможет жить дальше как сырьевой придаток. Он уверен, что российская промышленность скорее жива, чем мертва, а ресурсы и шансы на развитие у страны есть, нужна только другая экономическая политика.

Что сейчас происходит с миром и экономикой? Что выявил коронакризис, а что и без него не очень хорошо?

В период неопределенности и тотальной турбулентности ставить диагноз – это надо быть очень наглым или действительно хорошим диагностом. У нас есть один норвежский прогнозист, он в 1980 году предсказал распад СССР на Московской конференции. А 10 лет назад он предсказал кризис, вплоть до распада США.

Как я уже говорил в одном из своих интервью весной, если мировая экономика в коронакризис – это «Титаник», то оркестр на палубе «Титаника» продолжает играть, и пассажиры первого класса уже заняли места в шлюпках. Супермиллиардеры стали еще супербогаче и у нас, и особенно на Западе. Джеф Безос, владелец Amazon, перешагнул отметку в 180 миллиардов личного состояния. И сами эти компании – Amazon, Apple, Microsoft – стоят уже по полтора-два триллиона долларов каждая. Ситуация пандемии использована глобально для реструктуризации активов и перетока капиталов через эти «пузыри» в новые сектора, которые, якобы, меньше всего пострадали или, наоборот, выиграли. Пока выиграли – но вечен ли этот марш на палубе? Фрагментация интернета (киберпространства) – не менее вероятная перспектива, чем распад физического мира.

У нас в экономике тоже есть такие сектора «оазиса процветания». Мы знаем, что сельское хозяйство чувствует себя неплохо. Естественно, фармацевтика, здравоохранение. Но этого слишком мало и для глобальной экономики, и для нашей, чтобы, как Мюнхгаузен, вытянуть себя из болота.

На самом деле, ничего хорошего не происходит. Глобальная экономика, даже китайская, которая, вроде бы, восстанавливается, – она восстанавливается с точки зрения предложения: производители работают, но спрос не восстановился. Транспортные потоки и прочие показатели спроса на треть, а по некоторым показателям и в половину, ниже, чем до пандемии. Это в благополучных странах. Россию я тоже отношу к относительно благополучным, а если брать те же США – там половина экономики недоработала, и сейчас вводятся новые ограничения. При этом фондовый рынок восстановился за счет цифровых компаний, следующая стадия – цифровой доллар, прямо вливаемый в цифровые активы. У Станислава Лема есть рассказ, в котором люди создали Машину (Великого вычислителя), и та

устроила им счастье: всех людей (добровольно или по навету ближнего) переработала в красивые геометрические фигуры.

Надо еще учесть эффект монополизации и финансового рынка, и цифрового сектора. В принципе, у нас финансовый рынок тоже монополизирован максимум тремя-пятью игроками и цифровая экономика у нас тоже имеет несколько главных игроков. Наверное, это как некий паллиатив и краткосрочная заделка бреши еще работает. Но брешь – ниже ватерлинии, поэтому надолго этого не хватает. Но, поскольку процесс пока достаточно сложный, насколько этого хватит, достаточно сложно сказать. Это привязано не столько ко второй волне коронавируса, сколько уже к случившимся событиям в экономике, поскольку полугодовые потери так просто не восстановить. Они, на самом деле, беспрецедентные, какие страны ни возьми. По Британии, например, прогнозируется за полгода 11-12%-ный спад в экономике, а это за 300 лет максимальный спад (ясно, что по году будет больше). То же самое и в любой другой стране.

Что же на этом фоне ситуация пандемии экономически означает для нас?

Мы видим, что сейчас цены на нефть, металлы и, через какой-то период, на газ вернулись, наполовину отыгравшись от дна: нефть была 60, потом упала до 25-20, сейчас, в текущий момент, 40 с небольшим долларов за баррель. Конечно, у нас что общий платежный баланс страны, что финансовое состояние крупнейших сырьевых компаний не рассчитаны на такие цены в долгосрочном и даже среднесрочном плане, поэтому возникает вопрос реструктуризации этих задолженностей. Если мы посмотрим на горизонте полугода-года, то, конечно, без серьезной реструктуризации основные компании, что металлургические, что нефтяные, что «Газпром», не восстановятся. Мы видим, что они пытаются за счет каких-то краткосрочных займов переждать и дожждаться восстановления. Но если этого восстановления не будет, а, судя по всему, его не будет – цены на нефть, скорее, уйдут опять вниз, чем пойдут вверх к 60, и доллар снова вряд ли станет по 60 рублей, как говорил Греф. Будет нефть и по 60, и по 160 рублей – но только в варианте гиперинфляции.

Если брать совсем долгосрочный взгляд. Например, в прошлом веке лидерство в цикле накопления капитала переходило от Британии к США около 50 лет. Была Первая мировая война, потом 20 лет передышки, Вторая мировая война – это был длинный цикл.

Сейчас, на мой взгляд, похожая динамика: мы первую войну, холодную, проиграли. Затем была передышка в 30 лет, а сейчас началась вторая холодная война, но она больше не с нами, хотя и с нами тоже, – больше с Китаем.

Нам надо рассчитывать на то, что сейчас, если брать исторические аналогии, скорее, 1939-1941-й годы, чем 1945-й, поэтому праздновать победу я бы пока

не спешил, поостерегся. Эти длительные процессы запущены, и даже, по мысли упомянутого норвежского прогнозиста, давшего прогноз распада США 10 лет назад, такая трансформация в США должна длиться примерно пять лет: с 2020 по 2024 год. Он считал, что этот процесс примерно такой же, как и с СССР, продолжавшийся с 1985 по 1990 год. Трансформация мира не будет быстрой, и будет происходить волнами.

Возвращаясь к нашей ситуации, мы извлекаем какие-то уроки, и сейчас есть какие-то последние обнадеживающие сигналы, что мы будем быстро строить дороги, которые не достроили или не строили: «Москва – Казань» и ЦКАД достроим в ближайшие три года. И тем самым войдем в проект коридора «Китай – Западная Европа», где мы пока еще участвуем слабо – через РЖД и контейнерные перевозки, еще можем через Северный морской путь... Но это тоже не быстрая история.

К тому же на одной логистике не выживешь. Если бы был шанс из сырьевого придатка стать транзитным мостом – было бы неплохо, но это дает только 15-20% необходимого нам экономического роста. А такой рост нам очень нужен, поскольку мы последние 10 лет пропустили, топтались на месте.

А что с нашей промышленностью? Она может стать локомотивом этого роста, если переходить к сценариям, которые мы хотели бы увидеть?

Да. Я думаю, что промышленность, как ни странно, у нас скорее жива, чем мертва – ее доля в экономике больше, чем в большинстве так называемых высокоразвитых стран. И, если считать в реальных измерениях, натуральных показателях или по паритету покупательной способности, наша промышленность сопоставима по общему объему с промышленностью, скажем, Германии. Мы вполне можем быть промышленной страной, промышленным локомотивом. Но для этого надо гораздо более жестко и последовательно проводить импортозамещение. Вы помните, как пять лет назад об этом все говорили, но сделано было не очень много. В некоторых секторах, типа оборонки, выполнено достаточно много, но по гражданскому сектору пока был «нефтяной фонтан», пока цены были высокими этим не занимались. Сейчас строится несколько крупных суперкомплексов переработки сырья. Строят и «Сибур», и «Газпром», и «Новатэк», и другие компании. Каждый комплекс сейчас стоит от нескольких миллиардов долларов до \$15-20 млрд. Если их удастся не превратить в долгострой и запустить за 3-5 лет, а после этого перерабатывать все ценное в части газа, нефти и производить по цепочке добавленной стоимости, доходить до конечной продукции – у нас есть шанс.

Как пример могу привести наш новый самолет МС-21. По оценке главы российского Boeing, это самый передовой самолет. Он единственный в мире – такого нет даже ни у Airbus, ни у самого Boeing: у него углепластиковое крыло

из композитных материалов, что значительно снижает его вес и повышает все характеристики. Была попытка нас «отключить», не поставлять нам эти материалы, но мы нашли возможности. Если иметь в виду наше советское наследство, то на самом деле, так же, как и атомный проект, у нас неплохо было развито материаловедение, и все эти материалы на стыке – углепластики, металлопластики и прочие композитные – у нас есть. Есть проблема их запуска в серию, чтобы они не стоили космических денег. Когда они для оборонки штучно делаются – одна цена, когда они широко используются – намного ниже.

Но это все требует очень серьезных усилий и выходов на глобальные рынки. В той же авиации мы видим, что пока нет ясности по совместному проекту с китайцами по новому широкофюзеляжному самолету. Авиационная корпорация Китая Comac не дает согласия на паритетное (50 на 50) совместное предприятие по созданию самого самолета и его продаже. Они хотят сами продавать его на китайский рынок.

Тем не менее, я вижу, что у самолета МС-21 объективно хорошая ниша. Это будет конкурентный самолет, ведь сейчас на первый план выходят вопросы затрат, поскольку сейчас сокращаются все издержки.

Но можно привести не только этот пример. К таким проектам должен быть более кластерный подход, развитие промышленных кластеров. Наш Минпром в этом отношении более последовательно что-то планирует. Вот мы знаем проект «Аурус» в автомобилестроении. Достаточно интересный, если он будет развиваться...

А другие ведомства, которые должны этим заниматься – я имею в виду Минэкономразвития – занимаются в основном бумаготворчеством. Сейчас, например, идет перелицовка нацпроектов. Но кроме дорожного нацпроекта, там не видно серьезных точек роста, которые могли бы вытянуть нас из сложной ситуации.

С Вашей точки зрения, вообще все ли для потенциального восстановления и роста у нас есть? Мы говорим о том, что нужен другой подход, другие методы управления, другой экономический курс. А сами ресурсы на это? Иногда ведь говорят, что мы отстали, мы никого не догоним в микроэлектронике и т.д.

Это враждебная пропаганда. Почему? Потому что, на самом деле, у нас огромный запас по всем видам ресурсов. Я не беру даже сырьевые природные ресурсы, мы титаном, никелем обеспечиваем всю мировую экономику. И куча других примеров.

Если брать конкретный анализ по цепочкам добавленной стоимости, то у нас созданы опережающим образом за последние 5-10 лет избыточные мощности

в ряде ключевых отраслей, включая металлургию – там произошла модернизация, перевооружение. Сейчас они загружены на 50%.

Наш Центробанк по западным методикам утверждает, что у нас низкая безработица, и это тоже сдерживающий ресурс для роста нашей экономики. Это совсем не так. Так же как у нас избыточные промышленные мощности, и мы можем легко в два раза увеличить отечественное производство, главное – обеспечить спрос, так же у нас есть и не менее 50% запаса по качественным трудовым ресурсам. У нас много трудовых мигрантов, они работают не по специальности. Среди них есть квалифицированные, образованные люди. То же самое и с россиянами – наши люди могли бы работать не охранниками, а инженерами, если бы там был достойный уровень оплаты. Задача государства – это политика доходов. Нельзя позволять платить за труд меньше суммы, равной уровню бедности. У нас же существует уникальный феномен – работающие нищие. Во всем мире есть минимальная ставка, установленная законом, которую работодатель имеет право платить в час сотруднику. А у нас медианная зарплата в стране всего 25 тыс. рублей.

Кроме того, наши либералы постоянно говорили, что у нас очень низкая производительность труда, мы отстаем, мы ничего не можем сделать. На самом деле, если посчитать производительность правильно – не по часам, а по стоимости труда – она у нас в два-три раза выше, чем в развитых странах. Это еще академик Д.С. Львов доказал почти 30 лет назад, а его ученик академик С.Ю. Глазьев сейчас постоянно заявляет.

У нас за труд недоплачивают, и если этот фактор устранить, то у нас сразу производительность пойдет вверх. У нас есть огромные ресурсы. Но чтобы это все связать – и фонды, и труд, и капитал, нужна совсем другая экономическая политика.